

Мемуары

Реч. кл. 15. - 1936. - 21 век. - с. 3

Тамара КАРСАВИНА

В 1971 году ленинградское отделение издательства "Искусство" в серии "Театральные мемуары" выпустило томик воспоминаний Тамары Карсавиной "Театральная улица", ставший бестселлером, а ныне — библиографической редкостью. Перевод Г. Гуляницкой и редактора И. Ступникова сохранили удивительное обаяние рассказчицы — великой балерины, красавицы и интеллектуалки. В подлиннике мемуары были написаны по-английски и впервые опубликованы в Лондоне в 1930 году. Советский вариант по цензурным соображениям вышел купированным. Предлагаем читателям одну из последних глав книги, не вошедшую в издание 1971 года. В ней рассказывается о бегстве балерины из Петрограда в 1918 году. Перевод Галины Северской.

Вадим КИСЕЛЕВ.

...Мой муж зашел за мной рано утром, когда я еще завтракала. Приехал князь Аргутинский, чтобы проводить нас. Вынесли чемоданы. Кухарка Лиза и кормилица зашли к нам в комнату. По древнему обычаю мы все сели и помолчали несколько секунд; потом перекрестились и попрощались. Лиза поцеловала мне руку, хотя она теперь была членом Жилсовета и занимала гораздо более важное место в общественной иерархии, чем я. Аргутинский и Катюша проводили нас до парохода. Они стояли на пристани и махали платками, пока не исчезли из вида.

Через три дня, проведенных на борту маленького перегруженного пассажирами парохода, мы наконец попали в Петрозаводск. Прежде всего мы подбежали к иллюминатору посмотреть, стоят ли ужасные солдаты Красной Армии на причале. Успокоившись, мой муж сошел на сушу. Я одевала сына Никиту и собирала вещи, а потом вышла на палубу ждать возвращения мужа. По его озабоченному лицу я поняла, что он принес плохие новости. Единственный иностранный представитель, которого он нашел, был французский связной офицер, который посоветовал ему как можно скорее вернуться на пароход. Английские войска продвигались вперед и расстреляли большевистских комиссаров. Только солдатские поезда еще ходили к северу, и, конечно, англичанину было невозможно сесть на такой поезд! Оставалось только вернуться в Петроград. Но и там английских подданных ждали ужасные условия жизни: только что убили графа Мирбаха, немецкого посла, и большевики собрали ложные свидетельства против англичан. Нам не оставалось ничего другого, как последовать совету французского офицера. Мы не смели говорить о том, что готовит нам неминуемое будущее.

На борту парохода находился молодой граф М., который хотел присоединиться к английским войскам и выполнял опасное задание. На каждой остановке этот бесстрашный молодой человек бежал в деревню и возвращался, запыхавшись, с молоком и яйцами. Я так и вижу, как он подбегает широкими шагами и торжественно протягивает нам свою добычу. Этот храбрец, выполнив задание, вернулся в Петроград и был там расстрелян. Узнав о нашей тревоге, М. расспросил крестьян, едущих на корабле, и узнал, что есть заброшенная, но еще проезжая почтовая дорога, которая ведет через Олонецкий лес к заливу Белого моря: оттуда на лодке нас могли отвезти на другой берег, где, по последней информации, находились англичане.

На пятый день мы сошли с корабля и оказались в маленькой деревушке Повенец, где мы не нашли никаких следов Красной гвардии. Крестьяне согласились дать нам телегу до почтовой станции, и мы распрощались с М.

Крестьяне собрались, чтобы проводить нас. "Бог вам в помощь!" — говорили эти добрые люди. Мы целую неделю ехали через густые леса, мимо темных глубоких озер. Так прошло несколько дней, и я не встретила никаких препятствий — но все же нас постоянно угнетало предчувствие надвигающейся опасности. Моего мальчика, который в Петрограде на каждый ружейный выстрел, доносящийся с улицы, кричал "Паф!", казалось, мучил настоящий ужас; он цеплялся за мое платье, громко плача днем и ночью. Спал он мало, и часто мои колени затекали под его весом, ведь малейшее движение его будило.

На ночь мы останавливались в какой-нибудь деревне, где крестьяне охотно давали нам приют, предлагали самовар и укладывали на пол для ночлега. Хотя этим добрым людям

ОПАСНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ

и любопытно было узнать причину нашего путешествия, политические события их не волновали вовсе. Они почти ничего не знали о наступлении англичан и говорили об этом с большим хладнокровием. "Ну ладно, пускай приходят, — смиренно вздыхали они, — говорят, англичане не злые".

Преодолев примерно две трети пути, мы приехали в богатого вида деревню позже, чем рассчитывали.

Наша хозяйка сказала, что накануне в деревню привезли много водки, и женщины боятся, как бы не случилось худого. В довершение всех бед мужики в этой деревне избрали совет. Пока во дворе заканчивались приготовления к нашему отъезду, несколько крестьян вошли в избу. Я увидела, что они пьяны нехорошим хмелем. Вопреки старинному обычаю русских крестьян их вожак не снял шапки при входе. "Дурной знак!" — подумала я. Для начала он задал нам обычный вопрос: "Куда вы едете?" Я сказала название следующей деревни, где мы должны были менять лошадей. "А может, вашу милость туда на лодке довести? вон ребята на веслах вас мигом доставят", — ответил он, указав на своих тоже пошатывающихся товарищей. Дул ветер, штормило, и я не хотела ввязываться в такое приключение. Тогда глаза мужика злобно блеснули, и он мигом позвонил о своей показной учтивости: "Ну и что, если этот малец захлебнется!" — проворчал он, показав на моего сына. Обезумев от ярости, я осыпала его ругательствами, которых теперь не могу припомнить, и он попятился к двери, бормоча извинения.

Немного позже все мужики вернулись. Они были еще пьянее и вели за собой толпу крестьян. Они заполнили весь двор, где ждала наша упряжка. Последовала перебранка: я видела, как мой муж отчаянно спорит, стараясь сохранить хладнокровие.

Я, хорошо знающая крестьян, заметила его стратегическую ошибку. "Паспорта поддельные", — орал эти скоты, — запрем их всех в сарае!" Я взяла на руки Никиту и вышла. Только моя внезапная инициатива могла спасти ситуацию. Мой муж говорил мне потом, что я выскочила, как тигрица. Конечно, наши паспорта выглядели довольно сомнительно, но я, к счастью, вспомнила, что у мужа в кармане лежит другой документ, вообще-то совсем не действительный в данном случае: это был пропуск в Москву давностью в несколько месяцев и подписанный Чичериным. Размахивая этой бумажкой, я сыграла ва-банк, угрожая доложить, что крестьяне задерживают нас, противятся распоряжениям правительства, и подкрепила свои угрозы несколькими избранными эпитетами. Подпись Чичерина произвела волшебное действие. Крестьяне заколебались, не зная, что делать, а бабы, до этого момента лишь молчаливо нам сочувствовавшие, затаились хором: "Стыд какой! Отвяжитесь вы от молодой барыни с мальчонкой". И, без сомнения, благодаря этому вмешательству мужики дали нам уехать. Человек, который предлагал подвезти нас на лодке, а потом возглавил все движение против нас, только шепнул напоследок крестьянину, который ехал с нами провожатым: "Когда приедешь, сдай их комиссару".

Мне и сегодня больно вспоминать нашу тревогу в этот переезд. Уже стемнело, и небо было мрачное и свинцовое, когда мы сделали остановку на берегу озера; на противоположном берегу горели окошки деревни, где нас ждала наша судьба. Багаж погрузили на плот, а наш не слишком сочувствующий провожатый упрямо последовал за нами. Моего мужа отвели к комиссару, откуда он скоро вернулся и сказал мне, что комиссар сейчас к нам придет. Ожидание показалось

мне бесконечным, хотя у меня не было часов и время я мерила только по собственному беспокойству и по все сгущающейся ночной темноте. Маленькая керосиновая лампа на столе бросала светлый круг на стену, а весь остаток комнаты был погружен в полутьму. Стоило кому-то двинуться — и по толку скользили темные тени.

Вошел человек в военной форме, и я встала навстречу ему. Его лица я не различила, но по голосу было видно светского человека:

— Я дам вам пропуск, действительный в течение двенадцати часов после полуночи, — сказал он.

— Но откуда до Белого моря еще 60 верст! — воскликнула я.

Он промолчал. Теперь я разглядела его серые глаза слегка навывкате и заметила странную пристальность взгляда. Он повторил четко и раздельно: "Действительный на следующие двенадцать часов", поклонился и исчез. Без сомнения, он вложил в эти слова особый смысл.

Мы собрались и ждали во дворе задолго до восхода солнца. Крестьяне, как обычно, отогнали лошадей в лес, чтобы они паслись там после дневного труда. Наконец привели коней, и мы уехали. По дороге мы встретили несколько патрулей, которые останавливали нас, спрашивая, не встречали ли мы по дороге войска. На перекрестке мы доехали до маленькой деревушки и хотели было попросить там молока, но мой муж приказал ехать дальше. Мы направлялись к Сумскому Посаду, городку, где паломники обычно садятся на лодки, чтобы добраться до Соловецкого монастыря. Вокруг города высились баррикады, и городские ворота охранял вооруженный караул... К какой партии они принадлежали?.. Они красные? Мой муж вытащил из кармана самый красный свой документ, пропуск, подписанный Чичериным. Часовой не

доверчиво оглядел его. Тогда мой муж показал паспорт Британского министерства иностранных дел, и человек сразу прокинул: город был в руках белых!

— Так вы англичане! — тепло приветствовали нас, — тогда входите быстрее". За баррикадами весь город был взбаламучен, и люди бегали во всех направлениях, махая руками, — словно прекрасно поставленная сцена паники в театре. Испуганные горожане копошились в лодках, а гавань была занята целой флотилией; маленький танкер разводил пары и готов был к отплытию. Мы крикнули, чтобы нас подождали, и с корабля отозвались: "Англичане?.. Быстрее, кидайте нам багаж!" Это был последний пароход, отходящий из Сумского. С другой стороны "подковы", образуемой заливом Белого моря, в Сороке, ждал британский крейсер. Красные, выгнанные из Сороки обстрелом, на суше приближались к Сумскому, чье население бежало от них. Они могли прийти с минуты на минуту, и тогда горе английским подданным, которые бы попались им в руки! Город позвал на помощь крейсер, который подходил с другой стороны бухты. Все пассажиры нашего буксира пересели на борт углевоза, а на следующее утро мы были уже на другом берегу; английские моряки несли свою службу с таким спокойным видом, словно они гуляли где-нибудь в Портсмуте воскресным вечером. Теперь, когда мы выиграла партию, я поняла, почему комиссар таинственно повторил: "Действительный на следующие двенадцать часов".

Когда наконец на горизонте показались английские берега, небо горело огнем заката: мы навсегда оставили позади Мариинский, чтобы выйти к рампе нового моста.

На снимках: Т. Карсавина — в балете И. Стравинского "Петрушка"; Т. Карсавина — Жизель.